

УДК 316.227

Феноменология Эдмунда Гуссерля и предметная область

Счастливецва Елена Анатольевна

Доктор философских наук, доцент,
кафедры философии,
Вятский государственный гуманитарный университет,
610005, Российская Федерация, Киров, ул. Красноармейская, д.26;
e-mail: abcr@yandex.ru

Аннотация

В статье раскрывается одна из проблем трансцендентальной феноменологии Гуссерля, связанная с постижением очевидности. В логической науке данная проблема принадлежит региону предмета. Это так называемая «предметная область». Она захватывает в свои пределы не только вещь в ее конкретном восприятии, но и субъективный, внутренний опыт человека, который при этом не понимается Гуссерлем как «мнимый», кажущийся опыт. Подобное понимание характерно также и для феноменологии Н.О. Лосского, отрицающего однако, трансцендентальный метод Гуссерля, и сближает с философией Джоберти и Августина Блаженного. Автор приходит к выводу, что отношение между чистой логикой и феноменологией, которым проникнуто все творчество Гуссерля, состоит в том, что структуры субъективного акта и объекта – абсолютной истины – коррелятивны. Но это уже вопрос коррелятивного исследования.

Для цитирования в научных исследованиях

Счастливецва Е.А. Феноменология Эдмунда Гуссерля и предметная область // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. № 2. С. 153-163.

Ключевые слова

Эдмунд Гуссерль, чистая логика, феноменология, предметная область, метод корреляции, логическое исследование, интенциональное переживание.

Введение

В своей знаменитой статье «Преодоление метафизики логическим анализом языка» [Карнап, 1993] Рудольф Карнап высказался с предельной точностью о сущности метафизики и метафизика. По обыкновению, мы склонны отождествлять метафизику с философией и

с философскими принципами исследования. Однако эти принципы стоят далеко от понятия закона, муссируемого естественными науками. Карнап упрекает философов, во-первых, в использовании нелогических понятий, то есть таких слов и выражений, которые не проверяются обычными логическими средствами. Кроме того, второе условие истинности высказывания – соответствие высказываемых идей реальности, то есть, по-иному говоря, верификация, или опытная проверка предложения на соответствие действительности, в философских высказываниях не выполняется. Принимая во внимание эту неверифицируемую сторону философии, Карнап причисляет метафизику к искусству. Недаром философ говорит, что самый лучший метафизик – это Ницше: он ближе всего к художественному творчеству. По меткому выражению Карнапа, метафизик – это музыкант без музыкальных способностей. Мы так спокойно можем отнестись к критике философии, поскольку Хайдеггер нам завещал совсем иную программу. В этой программе мы и найдем обоснование оригинальности философских принципов и методов. Они заключаются в постижении философии средствами искусства. Это то, что как раз и необходимо метафизику, как глоток свежего воздуха.

По словам Е.В. Фалеева, Хайдеггер разработал «метод рефлексивного анализа языка», означающий выявление на поверхность глубинных слоев языка, древнего сказания. К слову, и у Пастернака мы тоже наблюдаем подобное явление, чем и объясняются порой тяжеловесные конструкции его стихов. Так, у Стефана Георге, как пишет Е.В. Фалеев, «в поэтическом переживании схвачено то же самое, над чем извечно билось и мышление – отношение между словом (именем, знаком) и вещью: “Не быть ничему (никакой вещи) там, где не хватает слова”». В поэтическом переживании, говорит Е.В. Фалеев, «слово и имя объединяются» [Фалеев, 1993, 28]. С нашей точки зрения, это значительно упрощает логический анализ языка. Если любое собственное понятие (имя) понимать как обычное слово, то можно легко заменять одно выражение на другое, например, «Александр Македонский» и «великий греческий полководец, покоривший Среднюю Азию, Вавилон и Египет». В логической науке такие взаимозаменяемые понятия называются экстенсиалами.

С другой стороны, отношение между словом и вещью, так сложно рассматриваемое в философии, в поэтическом переживании дает точное восприятие слова «как источника бытия» [Фалеев, 1993, 29].

Собственно, почему возникает вопрос, откуда существует «нечто», а не «ничто»? Очевидность для древних истины, что ничто не возникает из ничего, приводит к тому, что само ничто становится отсутствием чего-либо, даже мысли, поскольку сама мысль есть атрибут существующего нечто. Отсюда как «нечто» порождает мысль? Но развитие поэтического дара простирается дальше дара метафизического и способно «понятийно», поименно возродить проблему порождающей мысли. Мысль творит себя из уст самого Божественного существа, которое, с одной стороны, есть мировой порядок, космос, а с другой стороны, универсальный принцип существования всего живого и мыслимого, источник порождения самой мысли, то есть слова. В виде слов, указаний, знаков, намеков, Бог дает человеку по-

нять, как правильно истолковать то или иное событие, и в этом задача герменевтики Хайдеггера [Фалеев, 1993, 33]. Истолковывать – это искусство не проявлять сообразительность, а «вслушивание» в шифры мира. Это задача не для каждого, а для имеющего поэтический дар поэта, метафизика, умеющего вслушиваться в ритмы жизненного мира. Такую программу предлагает нам Гуссерль, вводя в свою феноменологию аристотелевское различие как самую отчетливую операцию мысли: различие противоположного («ни один пингвин не летает» и «все пингины летают») и различие разнородного (белое и черное), но что составляет одно и то же (цвет) [Артамонова, 1993, 42]. Однако Гуссерль применяет метод различения, например, субъективного и объективного, чтобы от трансцендентального, всеобщего сознания (понятия) устремиться к его истокам, скрытым в глубинах субъективного сознания, и наоборот, потому что субъективные и объективные структуры (акты) коррелятивны (параллельны) друг другу.

Предмет представления и психическое переживание

Гуссерль различает означающее (смысл, содержание высказывания) и то, что «именует» высказывание (предмет представления, означаемое), иначе говоря, значение и знак. В отношении любого имени Гуссерль проводит различие между тем, что оно «извещает» (то есть о психических переживаниях), и тем, что оно означает (смыслом, содержанием, номинативным представлением), и тем, что оно именуется (предметом представления) [Гуссерль, 2011, 36].

Все выражения коммуникативной речи функционируют как признаки, поскольку они служат тому, кто слушает, знаками мыслей говорящего, то есть знаками его смыслодающих (*sinngebende*) психических переживаний, принадлежащих интенции сообщения. Эту функцию языковых выражений Гуссерль и называет извещающей функцией (*kundgebende*) [Гуссерль, 2011, 37]. Знаки функционируют в качестве признаков по той причине, что они указывают на предметное содержание представления. Благодаря этому типологическому свойству знака, о нем можно говорить как о символе в том смысле, что знак здесь не простой звук или буква, а содержательно значимый знак, интенциональный объект [Гуссерль, 2011, 66].

Психические и интенциональные переживания суть не одно и то же. Психические переживания имеют место в разговоре двух или нескольких лиц, когда одно лицо оповещает о чем-нибудь другое лицо, и понимание наступает в том случае, когда психические переживания сторон совпадают, но полного равенства между этими переживаниями все же не происходит. Гуссерль говорит, что есть два рода познающего схватывания психических переживаний. Одно из них «действительное схватывание в адекватном созерцании», а другое – «предположительное схватывание некоторого бытия на основе созерцательного, но неадекватного представления». Второе созерцание никак не связано с истиной, а является

всего лишь предполагаемым бытием [Гуссерль, 2011, 38]. Интенциональные переживания указывают на предметное содержание, символическую природу нашего мышления и связаны со значением понятия или с его знаковой, предметной функцией. Психические переживания вполне могут играть роль пропозициональных установок аналитической философии, однако Гуссерль проводит между ними и интенциональными переживаниями резкую черту. Это позволяет ему подойти к самому высказыванию с точки зрения предмета, минуя пропозициональную установку (психическое переживание говорящего лица), что способствует большей объективности, адекватности восприятия информации.

Различие между знаком и значением, по иному, предметным содержанием и его модификациями, позволяет Гуссерлю выстраивать выражение, его смысл и соответствующую предметность. Он осуществляет «поворот от реального отношения» смыслопорождающих «актов к идеальному отношению их предметов, или, скорее, содержаний». Так, субъективное рассмотрение уступает место объективному рассмотрению [Гуссерль, 2011, 45].

Понимание Гусерля Густавом Шпетом

Но *как* предмет обнаруживает свою «истинность»? – вопрошает Густав Шпет [Шпет, 1914, 171]. Очевидность действительно имеет место только в области идеальной как «усмотрение» сущности, как-то, что $1+2=2+1$, где оно выступает в адекватной данности. Здесь само «усмотрение» «разумно» (аподиктическая сущность, аподиктическое – необходимое – усмотрение). Здесь мы наблюдаем адекватность в эйдетической области и неадекватность в сфере опыта [Шпет, 1914, 162]. Но как можно сочетать «царство идей» с очевидностью? Ответ тут напрашивается сам собою – идеальное усмотрение сущности, причем очевидность выступает ее «эквивалентом».

Шпет провозглашает мотивированность и разумность самого действительного бытия» [Шпет, 1914, 170]. Эту тему он продолжает в другой своей работе [Шпет, 1915]. Основная мысль ее в том, что Кант вымывает реальное основание из философии и оставляет одно логическое, и именно в таком виде философия Канта была воспринята его последователями. Между тем превращение *ratio* в чисто логическую форму тесно связано с устранением понятия сущности как трансцендентальной формы. Основание вещи как внутреннее ее свойство связано с ее сущностью. Еще Мейер указывал, что причина вещи связана с ее возможностью, а сущность – источник возможности как системообразующий ее принцип. Нельзя сказать, что люди и вещи – источники происхождения самих вещей как нечто внешнее по отношению к ним самим. Источником возможности не может быть вещь как нечто уже существующее вовне, тогда как сущее, которое только и может, что разворачиваться из внутреннего своего состояния во внешнее, как раз и подходит на роль источника всякой возможности вещи. Но как предмет обнаруживает свою «истинность», свою «разумность»? Как «возможное» становится действительным? Философ полагает, что частично эту про-

блему разрешает Юм, хотя бы феноменологической ее постановкой принять на веру бытие и действительность самих явлений. Шотландская философия пыталась разрешить «сомнения Юма». Но именно Якоби, оставшийся на позиции *до* всякой теории, говорит, что «у реалиста нет ничего, кроме самого дела (*die Sache*); ничего, кроме факта, что вещи (*die Dinge*) действительно стоят перед ним». И этот факт, вещь есть атрибут веры. У нас есть только вера в действительное существование вещей. В их реальности мы убеждаемся только исходя из самого факта их существования [Шпет, 1915, 46–48].

Нозма, или смысловое содержание

Феноменологическое означает дотеоретическое. Чтобы разобраться в дотеоретическом, что же оно такое, обратимся к проблемам современной логики объектов. Проблема здесь была заложена еще во времена Фреге, когда возник вопрос о «пустых» понятиях. Проблема несуществующих объектов обозначилась как раз вследствие непонимания различий между абсолютно объективными и intersубъективными денотатами терминов («золотая гора», «кентавр», «единорог» и др.) [Бессонов, Теория объектов, 104]. В отличие от Фреге, Гуссерль признавал за данными терминами определенные значения. Кроме того, он считал, что если значение отождествляется с предметностью, то такое выражение, как «золотая гора», действительно не обладает значением [Гуссерль, 2005, 122–123]. Однако значение Гуссерль отождествляет не с предметностью, а смыслом. Действительно, пишет А.В. Бессонов, в «Логических исследованиях» он приходит к выводу, что значения лингвистических выражений представляют собой нозматические смыслы соответствующих актов сознания. В «Идеях» же он высказывает тезис, согласно которому все нозматические смыслы могут быть выражены в языке, а значит, они принадлежат области лингвистических значений. Отсюда следует гуссерлевское отождествление значения и нозматического смысла. Всякое лингвистическое значение выражает определенный нозматический смысл, выразимый в языке [Бессонов, Предметная область, 2010, 21]. Из логики Гуссерля вытекает, что значение не объективно или субъективно, а intersубъективно, социально. Согласно концепции И.С. Нарского [Бессонов, Теория объектов, 2010, 105], лингвистическими значениями могут обладать объекты различной природы: чувственно-воспринимаемые предметы, идеальные объекты, абстракции, процессы и т. д. Такое понимание соответствует гуссерлевской концепции intersубъективности.

Из логики, таким образом, не должны изгоняться мысленные объекты. Мы говорили, что Фреге рассматривал несуществующие объекты как не обладающие денотативным значением [Бессонов, Теория объектов, 2010, 105]. И тогда intersубъективные выражения мы вправе рассматривать как существующие. Во-вторых, традиционно считается, что понятие истины – фундаментальное понятие самой логики [Бессонов, Предметная область, 2010, 73]. Согласно парадоксу лжеца, предложение, сформулированное Эвбуленом в IV веке до

н. э.: «То, что я сейчас говорю – ложно», – истинно тогда и только тогда, когда оно ложно. Но данное предложение не истинно и не ложно, ибо в нем ничего реальное не утверждается и не отрицается, никакой предмет: что говорит Эвбулен, о чем он сейчас говорит? Тарский, строя логическую теорию истины, использует две идеи: 1) переход от естественного к формальному языку и 2) разделение языка на два уровня: язык и метаязык. Причину парадоксов он усматривает в семантической замкнутости естественного языка, поэтому семантика языка может быть выражена только в метаязыке, более богатом и в котором достаточно средств выражения объекта-языка. Более того, Тарский считал, что в естественном языке невозможно построить непротиворечивое определение истины, то есть невозможно ее непротиворечиво выразить [там же, 78]. Однако предположение А. Тарского о том, что содержание всякой научной теории может быть адекватно формализовано средствами ее метаязыка, оказалось неверным. Поэтому лучше всего ориентироваться на естественный язык [там же, 79]. Кроме того, имеется строгое доказательство непротиворечивости естественных замкнутых языков [там же, 79]. Более того, именно развитие концепции предметной области, например в семантике возможных миров, дало мощный толчок построению самых разнообразных систем модальной логики, их все более широкому применению для экспликации реальных рассуждений, не укладывающихся в стандартную логику экстенсимальных предикатов [там же, 95].

О предлогическом уровне языка

Теперь нужно уточнять отношения между понятиями «естественного языка» и сами эти понятия. Привлечение концепции предметной области оправдано, когда эксплицируемый контекст естественного языка достаточно определенно выражает отношение языка, а через него и мышления, к внеязыковой действительности (в этом случае предметная область – это модель внешнего мира) [там же, 96]. Предметная область как совокупность идентифицируемых значений терминов, введение которых не означает связи с «обоснованием логического вывода» и осуществляется на предлогическом уровне, является фундаментальным условием применимости символической логики как таковой [там же, 97]. Таким образом, мы подошли к весьма важному положению о том, что существует некий предлогический уровень, который представлен, скорее всего, предметными структурами.

Формальная логика Аристотеля зафиксировала в законе тождества ($A=A$) неизменность смысла (значения выражения). Применение символической логики – от аристотелевской силлогистики и до современных формальных систем – основывается на предпосылке, согласно которой лингвистическое выражение используется всегда в одном и том же смысле, то есть не изменяет своего значения [там же, 96], и в этом выражается предлогическая предпосылка идентификации значения термина «А» [там же, 98]. В то же время существует тенденция на изменение или наращивание смыслов. Даже мыслимое, интерсубъективное

существование «пустых» слов и выражений может говорить в пользу смысловой концепции, поскольку в этих выражениях при отсутствии предмета, есть intersубъективное образование – смысл. Концепция А. Лосева, к примеру, тяготеет к самопорождающемуся и саморазвивающемуся смыслу, без которого «естественная речь» не имеет никакого отношения к проблеме истинности [Гоготишвили, 1999, 699].

«Схватывание» и есть акт интеллектуальной интуиции, а посему он уже изначально содержит в себе логику. Идеация – это такой интенциональный акт, который отождествляет предмет с идеей, но только интенционально, коррелятивно [Ланц, 1909, 431]. В этом акте идеации мы «переживаем идею», закон тождества, закон логики [Ланц, 1909, 433]. При этом идеализирующие акты меняются, как предметы, а смысл их остается один и тот же ($2 \times 2 = 4$). Акты созерцания или восприятия, в которых данный смысл находит свое конкретное «выполнение», Гуссерль называет «*bedeutung erfüllende Akte*» («выполняющие смысл акта») [Ланц, 1909, 436]. Смысл может быть возможным и невозможным (круглый квадрат). «Совпадение, мыслимое в идее, и есть истина. Она не предполагает действительного совпадения, *реального выполнения*; это совпадение мыслится в ней только как возможное только в идее». Отдельные акты этого совпадения суть акты переживания истины или акты очевидности, то есть адекватного восприятия истины. При этом истина не входит в наше сознание, она только находит в нем конкретную реализацию (например, как число пять реализуется в пяти пальцах руки) [Ланц, 1909, 437]. Задача трансцендентального метода есть проецирование внутреннего предмета (содержания сознания) вовне, то есть его объективирования или опредмечивания [Ланц, 1909, 440]. Проецирование предмета вовне (или объективация) происходит путем «категоризации» сознания. Интенция направляет «катеґорию» на конкретный предмет и, таким образом, предполагает объективацию в акте суждения (трансцендентальный метод). Но акт суждения здесь является чисто логическим, закономерным, поскольку мир не есть объект моей психики, поскольку она сама часть этого мира. Мир есть объект науки, логики, логического акта суждения как атрибута универсальной истины, коррелята мира-объекта [Ланц, 1909, 441].

Здесь важно сопоставить трансцендентальный метод Гуссерля с реалистической феноменологией Н.О. Лосского. Понимание Лосским внутреннего опыта сознания исходит из его критики трансцендентальной субъективности кантовской философии. По мнению Лосского, этой философии был недоступен внутренний опыт как непосредственное восприятие чувств: печали, радости, желаний и т. п. Трансцендентальному субъекту Канта было присуще некое знание, носящее уже строго необходимый, всеобщий характер. Трансцендентальная феноменология во главу угла ставит понятие и в процессе идеации выявляет истину. Совпадение возможного, мыслимого (идеи) с реальностью и есть достижение очевидного, истинного. При этом истина не входит в наше сознание, она всего лишь конкретно исполняется, как например модель самолета превращается в реальное транспортное средство.

Имманентная реалистическая феноменология Лосского не прописывает генетическую, конститутивную структуру сознания, уповая на непосредственность восприятия. Это оказалось под силу лишь трансцендентальной феноменологии. Однако у Гуссерля не получил должного развития персонализм, нашедший свое воплощение в реалистической феноменологии Лосского, у которого чувства человека есть продолжение материального мирового процесса, а мышление – продолжение внутримирового пространственно-временного континуума, который неразрывно связан с материей. У него очевидность выступает свойством самого материального процесса, непосредственно связанного с нашим восприятием. В концепции Лосского предмет непосредственно (интуитивно) постигается нами, входит в нас непосредственно, и процесс образования понятий такой же интуитивный. В принципе, в интуитивном постижении позиции Гуссерля и Лосского сходятся, хотя Гуссерль выделяет специальный акт идеации, отличный от обобщающего абстрагирования. Именно в акте идеации происходит интуитивное «схватывание» предмета, интуитивно постигается его смысл, идея.

Заключение

Таким образом, можно сказать, что отношение между чистой логикой и феноменологией, которым проникнуто все творчество Гуссерля, состоит в том, что структуры субъективного акта и объекта – абсолютной истины – коррелятивны. Но это уже вопрос коррелятивного исследования [Шпигельберг, 2002, 113].

У Гуссерля не сама очевидность встроена в сознание, то есть находится в нем, а существует через коррелятивное а priori категорий к бытию в акте полагания. Категории у Канта выводят нас к очевидности, опытному, трансцендентному. У Гуссерля же они находятся в коррелятивном отношении к действительному. Коррелятивная логика берет свое начало еще от Аристотеля, когда мысль устанавливается тождественной предмету. Только Гуссерль выстраивает корреляцию между восприятием и воспринятым. Тем не менее, метод корреляции есть лишь способ конституирования очевидности, и он не является конечной идеей Гуссерля. В этом смысле можно процитировать Боузид, который сказал, что «в корреляционном анализе ноэтического акта и ноэматического предмета не содержатся задачи феноменологического анализа». Шестое логическое исследование интенционального сознания подводит к тому, что «корреляционный анализ» носит «только вспомогательный характер». Цель «Логических исследований» первоначально разъяснялась как истина, которая состоит в том, что «основание абсолютного познания просматривается через феноменологическое исполнение чувственных феноменов в очевидности» [Bouzid, 1999, 40]. Феномен внутреннего опыта, который также приводит к очевидности, может быть здесь также уместен. Размышления о внутреннем опыте мы находим уже у Августина Блаженного, когда он говорит, что каждый человек видит и знает только один свой ум и не видит ума других людей [По-

пов, 1915, 579]. Если признать, что душевная организация сходна у всех людей, то можно с утверждением Августина не согласиться. Так, Джебелти рассуждает, о том, что субъективные устремления людей не только индивидуальны, но и конкретны («чувственное впечатление обуславливается восприятием самого предмета») [Эрн, 1915, 578]. Здесь важно было рассмотреть и подход Н.О. Лосского.

Библиография

1. Артамонова Ю.Д. Ум в интерпретации Аристотеля и Декарта и некоторые особенности новоевропейской логики // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 1993. № 6. С. 35-55.
2. Бессонов А.В. Предметная область логической семантики. М., 2010. 112 с.
3. Бессонов А.В. Теория объектов в логике. М., 2010. 136 с.
4. Гогтишвили Л.А. Лосевская концепция предикативности // Лосев А.Ф. Личность и Абсолют. М., 1999. С. 393-494.
5. Гуссерль Э. Избранные работы. М., 2005. 462 с.
6. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. Ч. I. Исследования по феноменологии и теории познания. М., 2011. 565 с.
7. Зайферт Й. Значение *Логических исследований* Гуссерля для реалистической феноменологии и критики некоторых гуссерлевских текстов // Вопросы философии. 2006. № 10. С. 130-152.
8. Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 1993. № 6. С. 11-26.
9. Ланц Г. Эдмунд Гуссерль и психологины наших дней // Вопросы философии и психологии. 1909. № 98. С. 393-494.
10. Лосский Н.О. Новая форма философского критицизма (по поводу книги А.И. Введенского «Логика как часть теории познания») // Вопросы философии и психологии. 1912 (1).
11. Попов И. Учение Блаженного Августина о познании // Вопросы философии и психологии. 1915 (130).
12. Фалеев Е.В. Герменевтический метод М. Хайдеггера в применении к стихотворению Стефана Георге «Слово» // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 1993. № 6. С. 27-34.
13. Шпет Г. К истории рационализма XVIII века // Вопросы философии и психологии. 1915. № 126 (1). С. 16-61.
14. Шпет Г. Явление и смысл. М., 1914. 227 с.
15. Шпигерльберг Г. Феноменологическое движение. М., 2002. 678 с.
16. Эрн В. Философия Джебелти // Вопросы философии и психологии. 1915. С. 130.
17. Bouzid K. Die phänomenologische Methode und ihre ontologische Relevanz. Die Weiterführung der Phänomenologie E. Husserls durch M. Heidegger. Und das daraus entsprungene Ontologieverständnis. Münster, 1999. 144 S.

Phenomenology of Edmund Husserl and the subject area

Elena A. Schastlivtseva

Doctor of Philosophy, Associate Professor,

Department of Philosophy,

Vyatka State University of Humanities,

610005, 26 Krasnoarmeiskaya st., Kirov, Russian Federation;

e-mail: abcr@yandex.ru

Abstract

The article deals with one of Husserl's problems of transcendental phenomenology connected with comprehension of the evidence. Logical science treats this problem as belonging to the object region. It is so-called "subject area". It captures not only the thing in its concrete perception, but also man's subjective inner experience, which Husserl does not consider to be an "imaginary" apparent experience. Lossky's phenomenology is also characterized by such understanding, though it denies Husserl's transcendental method and comes closer to the philosophy of Gioberti and St. Augustine. Husserl did not develop the idea of personalism properly, what can be found in Lossky's realistic phenomenology, where human feelings are considered to be a continuation of the material world process, and thinking is a continuation of inner world space-time continuum, which is inextricably linked with the materia. The author concludes that the relationship between pure logic and phenomenology penetrates all Husserl's works. These structures of the subjective act and the object (absolute truth) are correlative. But it is a question of correlative studies. Husserl's evidence is not built into consciousness; it exists through correlative a priori categories to being in the act of reliance. Husserl builds a correlation between perception and perceived. However, the correlation method is only a method of constituting evidence, and it is not Husserl's ultimate idea.

For citation

Schastlivtseva E.A. (2016) Fenomenologiya Edmunda Gusserlya i predmetnaya oblast' [Phenomenology of Edmund Husserl and the subject area]. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 2, pp. 153-163.

Keywords

Edmund Husserl, pure logic, phenomenology, subject area, correlation method, logical investigation, intentional experience.

References

1. Artamonova Yu.D. (1993) Um v interpretatsii Aristotelya i Dekarta i nekotorye osobennosti novoevropeskoi logiki [The mind in the interpretation of Aristotle and Descartes and some

- features of the new European logic]. *Vestnik MGU. Ser. 7. Filosofiya* [Bulletin of Moscow State University. Series 7. Philosophy], 6, pp. 35-55.
2. Bessonov A.V. (2010) *Predmetnaya oblast' logicheskoi semantiki* [Subject area in logical semantics]. Moscow.
 3. Bessonov A.V. (2010) *Teoriya ob"ektov v logike* [Theory of objects in the logic]. Moscow.
 4. Carnap R. (1991) *Logical syntax of language*. Routledge. (Russ. ed.: Karnap R. (1993) *Preodolenie metafiziki logicheskim analizom yazyka*. *Vestnik MGU. Ser. 7. Filosofiya*, 6, pp. 11-26.)
 5. Ern V. (1915) *Filosofiya Dzhoberti* [Gioberti's Philosophy]. *Voprosy filosofii i psikhologii* [Problems of philosophy and psychology], p. 130.
 6. Faleev E.V. (1993) *Germenevticheskii metod M. Khaideggera v primenenii k stikhotvoreniyu Stefana George "Slovo"* [Heidegger's hermeneutic method applied to a poem "Word" by Stefan George]. *Vestnik MGU. Ser. 7. Filosofiya* [Bulletin of Moscow State University. Series 7. Philosophy], 6, pp. 27-34.
 7. Gogotishvili L.A. (1999) *Losevskaya kontseptsiya predikativnosti* [Losev's concept of predicativity]. In: Losev A.F. *Lichnost' i Absolyut* [Personality and Absolut]. Moscow, pp. 393-494.
 8. Husserl E. (1973) *Die Idee der Phänomenologie (Husserliana: Edmund Husserl – Gesammelte Werke)*. Springer. (Russ. Ed.: Gusserl' E. (2005) *Izbrannye raboty*.)
 9. Husserl E. (2005) *Logische Untersuchungen. Ergänzungsband. Zweiter Teil: Texte für die Neufassung der VI. Untersuchung. Zur Phänomenologie des Ausdrucks und der Erkenntnis*. Springer. (Russ. Ed.: Guserl' E. (2011) *Logicheskie issledovaniya. T. II. Ch. I. Issledovaniya po fenomenologii i teorii poznaniya*. Moscow.)
 10. Lants G. (1909) *Edmund Gusserl' i psikhologisty nashikh dnei* [Edmund Husserl and modern psihologists]. *Voprosy filosofii i psikhologii* [Problems of philosophy and psychology], 98, pp. 393-494.
 11. Losskii N.O. (1912) *Novaya forma filosofskogo krititsizma (po povodu knigi A.I. Vvedenskogo "Logika kak chast' teorii poznaniya")* [A new form of philosophical criticism (about Vvedensky's book "Logic as part of the theory of knowledge")]. *Voprosy filosofii i psikhologii* [Problems of philosophy and psychology], 1.
 12. Popov I. (1915) *Uchenie Blazhennogo Avgustina o poznanii* [The doctrine of St. Augustine on knowledge]. *Voprosy filosofii i psikhologii* [Problems of philosophy and psychology], 130.
 13. Shpet G. (1915) *K istorii ratsionalizma XVIII veka* [On the history of rationalism of the XVIII century]. *Voprosy filosofii i psikhologii* [Problems of philosophy and psychology], 126 (1), pp. 16-61.
 14. Shpet G. (1914) *Yavlenie i smysl* [Phenomenon and meaning]. Moscow.
 15. Spiegelberg H. (1971) *The phenomenological movement: a historical introduction (Phaenomenologica)*. Springer. (Russ. ed.: Shpigerl'berg G. (2002) *Fenomenologicheskoe dvizhenie*. Moscow.)
 16. Zaifert I. (2006) *Znachenie Logicheskikh issledovaniy Gusserlya dlya realisticheskoi fenomenologii i kritiki nekotorykh gusserlevskikh tekstov* [Meaning of Logical Investigations of Husserl's phenomenology and realism for some criticism of Husserl's texts]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 10, pp. 130-152.